

Зимним морозным днём по таёжной дороге из райцентра в своё село возвращался на розвальнях старый горбун Михеич. За очередным поворотом бородатый старик увидел незнакомого человека в потёртой солдатской шинели и кирзовых сапогах. Подъехав, Михеич остановился. Поздоровавшись, парень присел на охапку стылого сена в санях. Старик вытащил лежавший под ним овчинный зипун и подал его молодому солдатику.

– Прикрой хоть им свои ноги, а то, чай, к подошвам примерзли. Это вам не Расея. Сибирь!

– Ничего, дедуля. Мы, большевики, ко всему привычны. По стылой воде весь Сиваш перешли до самого Крыма.

– Так ты в наше село идёшь? – поинтересовался старик. – Других-то поселений поблизости нет.

– В ваше, сам напросился, – загадочно улыбнулся карими глазами попутчик. – Колхоз будем организовывать.

– А на кой ляд нам этот колхоз нужен, где всё общее? Вот и моя лошадка станет всеобщей. А ведь она меня только любит.

– Ничего, в лошадиной стае станет и других уважать. В коллективе – вся наша сила!

– Так-то оно так. Только ведь с рождения все люди разные. И к труду приучены по-разному. Один будет тяжёлым топором комли деревьев рубить, а другой лёгким топориком кусты посшибает да скорее в деревню – за самогоном.

– Всех уравнием. Не с руки бедноте на зажиточных кулаков пахать. Со временем и кулаков придавим к ногтю, – с убеждением сказал солдат. – И это линия нашей партии, а мы, рядовые, обязаны её в жизнь претворять. Вот, я думаю, горб-то у тебя не от работы...

Старик засмутился.

– Да, давно это было. Ехал я по лесу вот так же, только в бурю. Ветер страшный был. Упавшей от ветра лесиной по хребту меня и огрело. Хорошо хоть живым остался. А где большевиком-то стал, Петруха?

– В госпитале. Там не только раны залечивают, но и мозги вправляют в нужную сторону. Кстати, откуда тебе моё имя известно? – удивился Пётр.

– У внучки видел твою фотографию. Глядя на неё, всё горевала, что долго глаза не кажешь, – укорил Михеич взволнованного парня.

– Так Маня, что в госпитале за мной ухаживала, внучка твоя?!

– Внучка и есть. Молоденькой была, по госпиталям моталась.

– А я её сразу полюбил. Прощаясь, сказал ей: «Как контру всю изничтожим, так сразу к ней в Сибирь – и поженимся». Надеюсь, замуж не вышла?

Старик рукавицей смахнул с прищуренных глаз слезинки.

– Обвенчалась она с сырой землёй. Нынче весной и похоронили.

– Как похоронили?! – изумлённо привстал на колени Пётр.

– А вот так. Шла на дальнюю заимку к больному по талой воде и застудилась. Вмиг сгорела от воспаления. Другим помогала, а себя не спасла.

Пётр безучастно, с болью в сердце, смотрел на белый снежный куржак проносящихся мимо кустов. Внутри у него всё застыло. В сумерках небо темнело, и сладкое будущее для него также померкло.

– Не горюй, Петруша! Не переживай! – начал успокаивать его Михеич. – У меня ещё одна внучка есть. Танюшка. Не девчонка, а ягода-малина, ласковая такая. Поженим вас.